

АРИСТОТЕЛЬ

природа политики
с комментариями и объяснениями

всякое государство
представляет собой
общение

природа –
причина порядка
для всех вещей

искусство
и искусность –
это склад души

дружеское
чувство
походит
на страсть

Философия на пальцах

Аристотель

Природа политики

«Издательство АСТ»

335–322 до н. э.

УДК 1(091)"652"
ББК 87.3(0)

Аристотель

Природа политики / Аристотель — «Издательство АСТ», 335–322 до н. э. — (Философия на пальцах)

ISBN 978-5-17-097260-9

Ученик Платона и учитель Александра Македонского, Аристотель отличался от других философов своей универсальностью – сферой его интересов была не только философия, но также физика, математика, химия, биология и социология. Идеи, высказанные им две с половиной тысячи лет назад, не утратили своей актуальности и сегодня. Чтобы в этом убедиться, достаточно открыть любую из его книг. Свой трактат «Политика» Аристотель посвятил созданию идеального государства. В нем он спорит с Платоном, считая, что проект учителя использует неудачные методы управления и типы общественного устройства. В «Физике» – над ней Аристотель работал всю жизнь – философу удалось показать развитие и становление данной науки, которая до него как отдельная дисциплина вообще не существовала. А в «Никомаховой этике» философ рассказывает о том, каким образом человек может стать счастливым, приобрести добродетель и благо. Последнее Аристотель рассматривает, кстати, как науку о государстве. Все тексты снабжены подробными комментариями и разъяснениями. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 1(091)"652"
ББК 87.3(0)

ISBN 978-5-17-097260-9

© Аристотель, 335–322 до н. э.

© Издательство АСТ, 335–322 до н. э.

Содержание

Аристотель – человек-универсал	7
Политика	12
Книга I	13
<О домохозяйстве и рабстве>	17
<Об искусстве наживать состояние>	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Аристотель
Природа политики:
с комментариями и объяснениями

© Э. Вашкевич, составление, предисловие, преамбулы к текстам, комментарии, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Аристотель – человек-универсал

Аристотель, которого – по месту рождения (Стагира, Фракия) – называли еще и Стагиритом, родился в 384 году до нашей эры. Две с половиной тысячи лет отделяет нас от того времени, когда Аристотель писал свои труды, на долгие столетия вперед давая направление развития многих наук.

Обычно философию определяют как особую форму познания мира, которая предназначена для того, чтобы вырабатывать систему знаний о наиболее общих характеристиках, предельно-обобщающих понятиях и фундаментальных принципах реальности и познания, а также об отношении человека и мира.

Аристотель отличается от других философов именно своей универсальностью – сферой его интересов была не только философия, но и физика, математика, химия, биология, социология.

Но именно из-за того, что Аристотель жил и работал так давно, многие, начиная изучать философию, склонны проходить мимо его трудов, отмечая для себя лишь сам факт существования такого философа, как любители яблок отмечают факт существования корней у яблони. За это время изменилось многое, но неизменным осталось главное: сам человек. Изменения в науке и технике не коснулись человеческой природы, и многие наши современники мыслят так же, как и современники Аристотеля.

Идеи, высказанные Аристотелем две с половиной тысячи лет назад, не утратили своей актуальности и по сей день. Чтобы в этом убедиться, достаточно всего лишь открыть любую из его книг. Да, с нашей точки зрения, математика времен Аристотеля была примитивной, ну а физика находилась всего лишь в зародыше, что же касается представлений о Вселенной, то для многих его современников самым интересным представлялся вопрос: чем же питается черепаха, на которой стоят четыре слона. Ну да – те самые, что держат на своих спинах земной диск.

А националистам любого толка будет познавательно узнать, что Аристотель был ярко выраженным «националистом», построившим на подобных воззрениях государственную политику, названную им идеальной.

Конечно, националисты были и до Аристотеля. Буквально со времен пещер и мамонтов многие войны начинались именно по причине национализма: «На серых мамонтов могут охотиться только те, кто живет около куста шиповника!». Но лишь Аристотель, столь знаменитый своими трудами, может претендовать на пальму первенства в этом вопросе. Однако он ошибался, и это была одна из его крупнейших ошибок. Именно национализм Аристотеля привел к тому, что он поссорился со своим знаменитым учеником – Александром Македонским. Аристотель настаивал, чтобы новая империя, создаваемая Александром, была построена на националистических принципах («Все права только грекам! Все, кто не греки, являются рабами!»). Александр отказался наотрез. Но известно, что критерий истины – практика. И руководствуясь принципами, в корне отличающимися от националистических, Александр Македонский создал великую империю – многонациональную, со многими различными верованиями и традициями. Аристотель же, руководствуясь своей идеальной политикой, не смог создать даже города-государства.

Заметим, что были в истории человечества государства, созданные именно на основе национализма. Например, третий рейх, который просуществовал аж целых двенадцать лет. Национализм этого государства был, кроме всего прочего, подкреплен еще и евгеникой. Вот до этого Аристотель не додумался, у него даже был сын от рабыни, который стал его наследником – дело невозможное для третьего рейха. Но, тем не менее, с евгеникой или без, но крах

националистического государства был сокрушителен. Аристотелю было бы интересно на это взглянуть.

Стоит заметить, что биография Аристотеля стала неиссякаемым источником для различного рода мифов. История великого философа, который воспитывал и обучал великого царя и великого завоевателя, стала настолько популярна, что перекочевала даже в эпос некоторых народов. Так, легенда о короле Артуре явно перекликается с историей Аристотеля и Александра: Мерлин, величайший колдун Англии, воспитывает и обучает искусству управления государством Артура, которому суждено стать королем-легендой, создавшим Камелот – идеальное государство. Более того, легенда об идеальном короле и идеальном государстве в Средние века стала книжным хитом – ее читали все грамотные люди на разных языках, она была переведена даже на иврит, что очень многое говорит о ее небывалой популярности. Да и сейчас «артуриана» не забыта – книги и фильмы о Мерлине, короле Артуре и других персонажах легенды появляются с завидной регулярностью и пользуются спросом.

Но если рассматривать реальную биографию Аристотеля, то она не столь поэтична, как представляется создателям мифов. Философ прожил 62 года, заполненных неустанными трудами. Он много путешествовал, что позволило ему со знанием дела написать трактат «Политика», посвященный созданию теории идеального государства-полиса. Он пытался создать идеальное государство и на практике – в городе Атарнеи, но это закончилось смертью царя, так как Аристотель склонил его в пользу Македонии, что было не слишком радостно воспринято персами.

Для лучшего понимания «Политики» Аристотеля следует учитывать, в каких условиях создавался этот труд, с какими образцами государства и политического устройства был знаком автор на практике и на что мог ориентироваться, разрабатывая теоретические основы своего идеала. Фактически речь идет исключительно о городах-государствах, и греки в те времена были отнюдь не народом, объединенным государственными устоями и границами, но лишь народом, объединенным языком, религией и проживающим на определенной территории, которая, в свою очередь, подразделялась на отдельные государственные образования. То есть, понятие «грек» во времена Аристотеля – это понятие скорее этническое, нежели политическое.

По оценкам исследователей античного мира, население всей Греции, включая побережья Турции и Черного моря, в IV веке до н. э. составляло около девяти миллионов человек. То есть, по современным меркам, Афины вовсе не были большим городом, их размеры можно было оценить на уровне среднего поселка. То же можно сказать и об остальных греческих городах-государствах.

В своем трактате Аристотель методично и последовательно доказывает необходимость и неизбежность рабства и посвящает этому целую главу. Подобные взгляды, естественно, давно устарели и могут представлять лишь исторический интерес, а также некоторым образом характеризовать их автора. Однако в защиту Аристотеля следует заметить, что он просто не знал других форм государственного устройства, нежели основанного на рабовладении. Рабовладение в те времена представлялось естественным, и оно было даже прогрессивным в своем роде, так как позволяло эффективно и быстро развиваться.

Рассматривая далее различные проекты политических устройств, Аристотель начинает с Платона, который был его учителем. Они много лет работали вместе в академии Платона. Однако, несмотря на уважение и даже преклонение перед учителем, Аристотель не признает его проект верным, находит в нем ряд недостатков, делающим его неприменимым на практике. Это касается, в первую очередь, общности женщин и детей, а также общности собственности. Более того, Аристотель приводит ряд доказательств, что данные идеи при реализации принесут больше вреда, чем пользы. Жаль, что Карл Маркс (и не только он!) не проштудировал «Политику» Аристотеля.

Интересно, что Аристотель предвосхищает идеи Томаса Мальтуса, который лишь в конце XVIII – начале XIX столетия высказал мысль о том, что неконтролируемый рост населения приведет к всеобщему обнищанию и голоду. Аристотель опередил мальтузианство на два тысячелетия, предлагая для решения вопроса о процветании людей либо контролировать рождаемость, либо собственность, так как, по мнению древнегреческого философа, контроль над собственностью автоматически сказался бы на рождаемости.

Весьма характерно, что Аристотель считает государственное устройство, предлагаемое Платоном, неприменимым, нежелательным к реализации на практике еще и по той причине, что Платон использует некую компиляцию олигархии и демократии – самых неудачных, по мнению Аристотеля, государственных устройств, самых нежизнеспособных и несправедливых. Однако именно государственные устройства такого типа являются в наше время наиболее распространенными.

Аристотель написал множество трактатов, посвященных различным областям науки, в частности, физике. Он был одним из последних универсалов, мыслителем, чьи интересы простирались от социологии до биологии, затрагивали и проблемы Вселенной, и микрокосм. Подобных универсалов за всю историю человечества были единицы. К ним можно отнести Леонардо да Винчи и Михаила Ломоносова.

Свой трактат «Физика» Аристотель разрабатывал всю жизнь, собирая знания современников и добавляя к ним собственные размышления. Собственно, термином «Физика», мы обязаны именно Аристотелю. До него данная наука не существовала как отдельная дисциплина, а была лишь небольшой частью философии, и рассуждения о природе Вселенной, не разделяясь, смешивались с размышлениями о месте человека в ней. Конечно, по большей части, «Физика» Аристотеля представляет собой чисто исторический интерес – развитие и становление физики; правда, с другой стороны, рассмотрение вопроса о том, как именно Аристотель, а с ним и его современники, понимали структуру мироздания, может быть интересен не только для истории, но также для того, чтобы освежить взгляд на современную науку: если рассматривать движение науки как луч, устремленный из некоей точки в бесконечность, то для того, чтобы верно определить направление движения, необходимо еще и верно определить отправную точку.

Следует заметить, что Аристотель, как и любой исследователь, мог строить свою теорию, руководствуясь лишь тем, что знал и мог наблюдать. Кроме того, как и любой ученый, приступая к разработке теории, он должен был определить начальные постулаты, из которых следует все остальное. И вот тут-то скрывается возможность для ошибки. Прекрасной иллюстрацией подобной ситуации является рассказ «Логика» Айзека Азимова, в которой главный герой – робот – делает совершенно неверные выводы из всего объема предоставленной – и абсолютно верной! – информации, так как пользуется неверными исходными постулатами. Но, как верно заметил Азимов, «строго логическим рассуждением можно доказать все что угодно, – в зависимости от того, какие принять исходные постулаты... Постулаты всегда основаны на допущении и закреплены верой. Ничто во вселенной не может поколебать их». Так что не стоит удивляться, что Аристотель иногда делал не вполне правильные выводы, руководствуясь массой совершенно верных фактов – у него просто были определенные постулаты, и все логические цепочки подчинялись им.

Но при всех своих недостатках, «Физика» Аристотеля является для своего времени весьма прогрессивным трудом, к тому же, как уже было сказано, она – источник дальнейшего развития. И, кстати, источник некоторых постулатов, которыми пользуются физики по сей день. Впору задуматься: а все ли они так верны, как думают ученые?

Еще один трактат, представленный в этой книге – «Никомахова этика» – является одним из этических сочинений Аристотеля. Считается, что своим названием трактат обязан тому, что был издан Никомахом – сыном Аристотеля около 300 г. до н. э. По другой версии, трактат

был посвящен Аристотелем Никомаху – своему сыну, а, возможно, и своему отцу, который носил то же имя.

Подобно очень многим, Аристотель интересовался проблемой счастья. Можно сказать, что «Никомахова этика» открывает парад книг, в которых тем или иным образом описаны способы того, как быть счастливым. Именно поэтому данный трактат иногда относят к сочинениям в области психологии, а не этики. Интересно, что проблему блага Аристотель рассматривает как науку о государстве, так как, по его мнению, именно государство есть образование, назначением которого является достижение блага или счастья для всех его граждан.

Изначально Аристотель принимает за безусловную истину то, что каждый человек стремится к счастью. Знакомясь с «Никомаховой этикой», следует учитывать, что Аристотель базирует свой труд исключительно на вариантах, относящихся к обычным людям, не отягощенным разнообразными комплексами и занимающим позитивную жизненную позицию. То есть, речь идет о людях, которые стремятся к счастью всеми доступными и недоступными способами – как, собственно, это и должно быть. Также заметим, что для тех, кто не может и не хочет быть счастливым, подобное утверждение тоже может быть верным, ведь их счастье как раз и заключается в том, чтобы быть несчастливыми, в противном случае они могут даже испытывать дискомфорт и всеми силами стремятся к личному несчастью, в котором чувствуют себя привычно и уютно.

По мнению Аристотеля, страсти и поступки человека тем или иным образом связаны с добродетелью, благом и счастьем. Поступки могут быть вынужденными, а могут – добровольными. Причем, вынужденные поступки могут быть как добродетельными (и тогда в них нет ничего, что было бы достойно похвалы), так и порочными (и тогда они могут заслуживать сочувствия).

Аристотель рассуждает о том, каким образом поступки человека могут повлиять на его способность и даже желание быть счастливым. Заметим, что человек, который умеет быть счастливым, будет таковым, несмотря ни на что. И в то же время тот, который не понимает, что такое счастье, будет несчастлив даже в самых благоприятных обстоятельствах. Аристотель же априори считает, что каждый человек непременно стремится к тому, чтобы стать счастливым.

Философ пытается отыскать золотую середину, которая, по его мнению, только и может быть благом. Как писал Окуджава: «С умным – хлопотно, с дураком – плохо. Нужно что-то среднее. Да где же его взять?» По сей день и мыслители, и обычные люди занимаются поиском этого самого среднего, соглашаясь с Аристотелем в том, что только оно – благо, счастье – где-то посередине. Но, увы, «золотая середина» до сих пор остается лишь теоретическим построением. Тем не менее, следует отметить, что с теоретическим построением Аристотель справился блестяще. Вот только природа человеческая, по большей части, не желает во всем следовать теории. Даже обещание будущих благ не оказывает сколько-нибудь значительного воздействия, так как человек по природе своей желает иметь все сразу, причем – сейчас и немедленно, а не тратить время на ожидание и личное участие в приближении благоприятного будущего. Однако, многие религии вполне удачно справляются с такими порывами своих последователей, используя систему наказаний, поощрений и прощений, обещая блага в будущем – при наличии определенного (Аристотель сказал бы – правосудного) поведения в настоящем.

И все же самым широко известным деянием Аристотеля является его учительство: он обучал великого завоевателя, Александра Македонского. Эта пара могла бы дать жизнь поговорке: скажи мне, кто твой ученик, и я скажу кто ты! Или обратный вариант: скажи мне, кто твой учитель... Александр Македонский был весьма образованным человеком.

Жизни ученика и учителя были прочно связаны, несмотря на их разногласия (к примеру, по тому же национальному вопросу). И смерть Александра привела к изгнанию Аристотеля из Афин. Философ умер через год после смерти великого завоевателя, но многие его труды

пережили тысячелетия, в то время как труды Александра пошли прахом практически сразу после его смерти. Аристотель бы сказал, что философом быть лучше, чем воином...

Эльвира Вашкевич

Политика

В трактате «Политика» много места уделяется разбору различных политических устройств. Аристотель со всей обстоятельностью разбирает не только проект Платона, но и проекты государственных образований, выполненных известными мыслителями того времени. Например, проекты Фалея Халкидонского и Гипподама Милетского.

Фалей Халкидонский (конец V-начало IV вв. до н. э.) – мыслитель, философ Единственное сохранившееся о нем упоминание – ссылка на его проект идеального общественного устройства в «Политике» Аристотеля.

Гипподам Милетский (498 год до н. э. – ок. 408 года до н. э.) – древнегреческий архитектор-градостроитель, метеоролог, философ, был не только философом, но и архитектором, градостроителем и метеорологом. Он уделял большое внимание размышлениям о политической структуре государства и государственной власти. Его трактаты на эту тему свидетельствуют о поиске такого государственного устройства, которое обеспечило бы не только стабильность и процветание самого государства, но и наилучшую жизнь для каждого гражданина.

Оба проекта Аристотель считает слишком сложными и вовсе невозможными для практической реализации, и утверждает, что обеспечить процветание гражданам в полной мере они не могут. Более того, некоторые положения этих проектов философ считает противоречащими реалиям жизни и даже намерениям самих авторов проектов. Так, разделение земли на три части у Гипподама Милетского немедленно вступает в противоречие с той идеей, что люди, носящие оружие, не должны заниматься земледелием. Но тогда возникает закономерный вопрос: а кто же будет обрабатывать те земли, которые выделяются им для пропитания? Казалось бы, найти выход просто, но Аристотель уделяет этому особое внимание и оказывается, что ситуация тупиковая, так как любой из предлагаемых вариантов решения проблемы разрушает основное положение проекта – процветание граждан в полной и равной мере.

Интересно, что все эти проекты государственного устройства рассчитаны на весьма ограниченное количество граждан. Так, проект Гипподама Милетского предполагает государство, где проживают не более 10 тыс. человек.

Затем Аристотель переходит к тем схемам государственного устройства, которые признавались лучшими из всех существовавших в то время: лакедемонское, критское и карфагенское. Любопытно, что Аристотеля интересует в данных государственных устройствах не только их «идеальность» или ошибочность, но такой нюанс, как возможное отступление реальности от того, что было задумано изначально теми, кто вводил тот или иной закон. По мнению Аристотеля, подобное явление достаточно распространено: когда законодатель, издающий тот или иной закон, руководствуется благом общества, то впоследствии часто оказывается, что данное благо не просто недостижимо, но этот закон еще более отдаляет от него общество. И дело вовсе не в неумелых законодателях, а – по мнению Аристотеля – в недостаточно верном устройстве самого общественного объединения. И если порочно само устройство объединения, не приходится удивляться, что законы в нем работают так же порочно.

Книга I <О том, что такое государство>

I.

1. Поскольку, как мы видим, всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все общения стремятся к тому или иному благу, причем больше других и к высшему из всех благ стремится общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим.

2. Неправильно говорят те, которые полагают, будто понятия «государственный муж», «царь», «домохозяин», «господин» суть понятия тождественные. Ведь они считают, что эти понятия различаются в количественном, а не в качественном отношении; скажем, господин – тот, кому подвластно небольшое число людей; домохозяин – тот, кому подвластно большее число людей; а кому подвластно еще большее число – это государственный муж или царь; будто нет никакого различия между большой семьей и небольшим государством и будто отличие государственного мужа от царя состоит в том, что царь правит в силу лично ему присущей власти, а государственный муж отчасти властвует, отчасти подчиняется на основах соответствующей науки – политики. Это, однако, далеко от истины.

Необходимо заметить, что правители Древней Греции не носили царского титула, данный титул появился гораздо позднее и обязан своим происхождением Юлию Цезарю. Царь – от латинского *caesar* (цезарь, кесарь), слово, образованное от имени Юлия Цезаря и, таким образом, символизирующее преемственность императорской власти, начиная от самого Юлия Цезаря и далее. Ну а Гай Юлий Цезарь родился 12 июля 100 года до нашей эры, то есть, много позже того времени, когда Аристотель создавал свой труд «Политика». Тем не менее, когда речь заходит о Древней Греции, повсеместно используется титул «царь», что является явным анахронизмом – этого титула просто не существовало. Так, например, Одиссей вовсе не был царем Итаки. Более всего соответствует занимаемой «царской» должности у древних греков определение «племенной вождь», но если тщательно разобрать права и обязанности такого вождя, то окажется, что они соответствуют правам и обязанностям, прилагаемым к царскому титулу. Так что применение в переводах Аристотеля титула «царь» вполне оправданно – несмотря на исторический анахронизм, это позволяет сохранить полный смысл, который вкладывался в определение.

3. Излагаемое станет ясным при рассмотрении с помощью усвоенного нами ранее метода: как в других случаях, расчленив сложное на его простые элементы (мельчайшие части целого) и рассматривая, из чего состоит государство, мы и относительно перечисленных понятий лучше увидим, чем они отличаются одно от другого и возможно ли каждому из них дать научное объяснение.

Фактически Аристотель говорит о методе анализа, который заключается в том, что некое понятие (свойство и т. д.) разлагается по признакам на составные, более мелкие и простые элементы (части), и таким образом упрощается процесс познания. Обычно метод анализа используется в сочетании с методом синтеза, и таким образом обеспечивается процесс познания во всей возможной полноте. Иммануил Кант, опубликовав в 1781

году труд «Критика чистого разума», указал в нем на различие аналитического и синтетического способов суждения. Но эта разница была известна еще до Канта – в древности на нее указывал греческий философ Стильпон из Мегары.

Заметим, что метод анализа не всегда применим и не всегда дает однозначный и верный результат. Широко известна притча о слепых мудрецах, которые пытались методом анализа исследовать слона: один, дотронувшись до ноги, сказал, что перед ним дерево, второй коснулся уха и заявил, что это лист пальмы, ну а третьему достался хобот, и он утверждал, что это – змея. Возможно, используйте они после такого анализа метод синтеза, им удалось бы найти верное решение.

И здесь, как и повсюду, наилучший способ теоретического построения состоял бы в рассмотрении первичного образования предметов.

4. Так, необходимость побуждает прежде всего сочетаться попарно тех, кто не может существовать друг без друга, – женщину и мужчину в целях продолжения потомства; и сочетание это обуславливается не сознательным решением, но зависит от естественного стремления, свойственного и остальным живым существам и растениям, – оставить после себя другое подобное себе существо. Точно так же в целях взаимного самосохранения необходимо объединяться попарно существу, в силу своей природы властвующему, и существу, в силу своей природы подвластному. Первое благодаря своим умственным свойствам способно к предвидению, и потому оно уже по природе своей существо властвующее и господствующее; второе, так как оно способно лишь своими физическими силами исполнять полученные указания, является существом подвластным и рабствующим. Поэтому и господину и рабу полезно одно и то же.

Уже с самого начала очевидно, что Аристотель считает положение господина и раба чем-то неизменным. Раб является рабом не в силу стечения обстоятельств рождения либо жизни (к примеру, плен во время войны), но исключительно в силу своих личных качеств. Он – в соответствии с воззрениями Аристотеля – по природе своей раб, и все его способности направлены лишь на исполнение полученных от господина указаний. Господин, кстати, тоже является господином не в силу стечения обстоятельств, а по своей природе – «существо властвующее и господствующее».

Вернемся к роману Ефремова «Таис Афинская». Вот что отвечает Аристотель Таис, когда та спрашивает о судьбе философа Астиоха: «Побежденный беотиец упал до уровня варвара, раба. Можешь считать что философа Астиоха больше не существует, и забыть о нем. Мне все равно, брошен ли он в серебряные рудники или мелет зерно у карийских хлебопек. Каждый человек из свободных выбирает свою участь.

5. Но женщина и раб по природе своей два различных существа: ведь творчество природы ни в чем не уподобляется жалкой работе кузнецов, изготавливающих «дельфийский нож»; напротив, в природе каждый предмет имеет свое назначение.

Дельфийский нож – своеобразный инструмент, оружие, которое могло служить как ножом, так и мечом.

Так, всякий инструмент будет наилучшим образом удовлетворять своему назначению, если он предназначен для исполнения одной работы, а не многих. У варваров женщина и раб занимают одно и то же положение, и объясняется это тем, что у них отсутствует элемент, предназначенный во природе своей к властвованию. У них бывает только одна форма общения – общение раба и рабыни. Поэтому и говорит поэт: «Прилично властвовать над варварами грекам»; варвар и раб по природе своей понятия тождественные.

Варварами в Древней Греции называли всех, кто греками не являлся, подобно тому, как на Руси всех иноземцев называли немцами (немыми – не говорящими на русском языке). В то же время слово носит уничижительное, презрительное значение, обозначая человека, не обладающего культурой, грубого, необразованного. То есть, для древних греков все иноземцы автоматически признавались необразованными и некультурными.

6. Итак, из указанных двух форм общения получается первый вид общения – семья. Правильно звучит стих Гесиода: «Дом прежде всего и супруга, и бык-землепашец» (у бедняков бык служит вместо раба). Соответственно общение, естественным путем возникшее для удовлетворения повседневных надобностей, есть семья; про членов такой семьи Харонд говорит, что они едят из одного ларя, а Эпименид Критянин называет их питающимися из одних яслей.

Харонд (середина VII века – конец VI века до н. э) – законодатель из города Катания, Сицилия, Написал законы для родного города, которые были приняты в других городах Италии и Сицилии.

Эпименид Критянин (середина VII века – конец VI века до н. э). – жрец, провидец, поэт, В соответствии с мифом, он еще юношей уснул в зачарованной пещере Зевса на горе Ида, а проснуться ему удалось лишь через 57 лет. Эта легенда была использована Гете при написании драмы «Пробуждение Эпименида». Утверждается, что именно в пещере он приобрел великую мудрость и стал провидцем. Согласно еще одной легенде, Эпименид умер в возрасте 154 лет. Известен парадокс Эпименида – «Все критяне лжецы». Дело в том, что провидец сам был уроженцем Крита, и данное утверждение не может быть правдой, так как, по определению, он – лжец, но оно не может быть и ложью, так как, если критяне не лжецы, то и Эпименид правдив.

7. Общение, состоящее из нескольких семей и имеющее целью обслуживание не кратковременных только потребностей, – селение. Вполне естественно, что селение можно рассматривать как колонию семьи; некоторые и называют членов одного и того же селения «молочными братьями», «сыновьями», «внуками». Греческие государства потому вначале и управлялись царями (а в настоящее время то же мы видим у негреческих племен), что они образовались из элементов, признававших над собой царскую власть: ведь во всякой семье старший облечен полномочиями царя. И в колониях семей – селениях, поддерживали, в силу родственных отношений между их членами, тот же порядок. Об этом именно и упоминает Гомер, говоря: «Правит каждый женами и детьми», ведь они жили отдельными селениями, как, впрочем, и вообще жили люди в древние времена. И о богах говорят, что они состоят под властью царя, потому что люди – отчасти еще и теперь, а отчасти и в древнейшие времена – управлялись царями и, так же как люди уподобляют внешний вид богов своему виду, так точно они распространили, это представление и на образ жизни богов.

8. Общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершенное государство, достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни. Отсюда следует, что всякое государство – продукт естественного возникновения, как и первичные общения: оно является завершением их, в завершении же сказывается природа. Ведь мы называем природой каждого объекта – возьмем, например, природу человека, коня, семьи – то его состояние, какое получается при завершении его развития. Сверх того, в осуществлении конечной цели и состоит высшее завершение, а самодовлеющее существование оказывается и завершением, и наивысшим существованием.

9. Из всего сказанного явствует, что государство принадлежит к тому, что существует по природе, и что человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей

природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек; его и Гомер поносит, говоря «без роду, без племени, вне законов, без очага»; такой человек по своей природе только и жаждет войны; сравнить его можно с изолированной пешкой на игральной доске.

10. Что человек есть существо общественное в большей степени, нежели пчелы и всякого рода стадные животные, ясно из следующего: природа, согласно нашему утверждению, ничего не делает напрасно; между тем один только человек из всех живых существ одарен речью. Голос выражает печаль и радость, поэтому он свойствен и остальным живым существам (поскольку их природные свойства развиты до такой степени, чтобы ощущать радость и печаль и передавать эти ощущения друг другу). Но речь способна выражать и то, что полезно и что вредно, равно как и то, что справедливо и что несправедливо.

11. Это свойство людей отличает их от остальных живых существ: только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость и т. п. А совокупность всего этого и создает основу семьи и государства. Первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части. Уничтожь живое существо в его целом, и у него не будет ни ног, ни рук, сохранится только наименование их, подобно тому, как мы говорим «каменная рука»; ведь и рука, отделенная от тела, будет именно такой каменной рукой. Всякий предмет определяется совершаемым им действием и возможностью совершить это действие; раз эти свойства у предмета утрачены, нельзя уже говорить о нем как таковом: останется только его обозначение.

12. Итак, очевидно, государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку; поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому. А тот, кто не способен вступить в общение или, считая себя существом самодовлеющим, не чувствует потребности ни в чем, уже не составляет элемента государства, становясь либо животным, либо божеством.

Во всех людей природа вселила стремление к государственному общению, и первый, кто это общение организовал, оказал человечеству величайшее благо. Человек, нашедший свое завершение, – совершеннейшее из живых существ, и, наоборот, человек, живущий вне закона и права, – наихудший из всех, ибо несправедливость, владеющая оружием, тяжелее всего; природа же дала человеку в руки оружие – умственную и нравственную силу, а ими вполне можно пользоваться в обратную сторону. Поэтому человек, лишенный добродетели, оказывается существом самым нечестивым и диким, низменным в своих половых и вкусовых позовах. Понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилom справедливости, является регулирующей нормой политического общения.

<О домохозяйстве и рабстве>

II

1. Уяснив, из каких элементов состоит государство, мы должны прежде всего сказать об организации семьи, ведь каждое государство слагается из отдельных семей. Семья, в свою очередь, состоит из элементов, совокупность которых и составляет ее организацию. В совершенной семье два элемента: рабы и свободные. Так как исследование каждого объекта должно начинаться прежде всего с рассмотрения мельчайших частей, его составляющих, а первоначальными и мельчайшими частями семьи являются господин и раб, муж и жена, отец и дети, то и следует рассмотреть каждый из этих: трех элементов: что каждый из них представляет собой и каковым он должен быть.

Этот пункт еще раз подтверждает подчиненное положение женщины в обществе Древней Греции, практически низведенное до состояния рабыни: один из элементов семьи по Аристотелю – отец и дети, но нет и речи о матери.

2. [Отношения, существующие между тремя указанными парными элементами, можно охарактеризовать] так: господское, брачное (сожителство мужа и жены не имеет особого термина для своего обозначения) и третье – отцовское (и это отношение не обозначается особым термином). Пусть их будет три, именно названные нами (существует еще один элемент семьи, который, по мнению одних, и есть ее организация, а по мнению других, составляет главнейшую часть ее; я имею в виду так называемое искусство накопления; в чем оно состоит – мы разберем дальше).

Остановимся прежде всего на господине и рабе и посмотрим на их взаимоотношения с точки зрения практической пользы. Можем ли мы для уяснения этого отношения стать на более правильную сравнительно с имеющимися теориями точку зрения?

3. Дело в том, что, по мнению одних, власть господина над рабом есть своего рода наука, причем и эта власть, и организация семьи, и государство, и царская власть – одно и то же, как мы уже упомянули вначале. Наоборот, по мнению других, самая власть господина над рабом противоестественна; лишь по закону один – раб, другой – свободный, по природе же никакого различия нет. Поэтому и власть господина над рабом, как основанная на насилии, несправедлива.

4. Собственность есть часть дома, и приобретение есть часть семейной организации: без предметов первой необходимости нельзя не только хорошо жить, но и вообще жить. Во всех ремеслах с определенно поставленной целью нужны бывают соответствующие орудия, если работа должна быть доведена до конца, и из этих орудий одни являются неодушевленными, другие – одушевленными (например, для кормчего руль – неодушевленное орудие, рулевой – одушевленное), потому что в искусствах ремесленник играет роль орудия. Так точно и для домохозяина собственность оказывается своего рода орудием для существования. И приобретение собственности требует массу орудий, причем раб – некая одушевленная собственность, как и вообще в искусствах всякий ремесленник как орудие стоит впереди других инструментов.

5. Если бы каждое орудие могло выполнять свойственную ему работу само, по данному ему приказанию или даже его предвосхищая, и уподоблялось бы статуям Дедала или треножникам Гефеста, о которых поэт говорит, что они «сами собой входили в собрание богов»; если бы ткацкие челноки сами ткали, а плектры сами играли на – кифаре, тогда и зодчие не нуждались бы в работниках, а господам не нужны были бы рабы.

Дедал – художник, скульптор и зодчий Афин. В соответствии с легендой, для того, чтобы вместе с сыном бежать из плена царя Миноса, создал крылья, укрепив на них перья воском. Его сын Икар поднялся слишком высоко, и

солнце растопило воск. Икар погиб. А вот Дедалу удался побег, и он добрался до Сицилии. Статуи, созданные Дедалом, были так прекрасны, что казались живыми.

Треножники Гефеста – двадцать золотых дисков, каждый из которых установлен на трех опорах. По легенде, Гефест – бог-кузнец Олимпа – снабдил эти треножники колесами, чтобы они могли катиться сами.

Орудия как таковые имеют своим назначением продуктивную деятельность (*poietika*), собственность же является орудием деятельности активной (*praktikon*); ведь, пользуясь ткацким челноком, мы получаем нечто иное, чем его применение; одежда же и ложе являются для нас только предметами пользования.

6. В силу специфического отличия продуктивной и активной деятельности, конечно, соответственно различны и те орудия, которые потребны для той и для другой. Но жизнь – активная деятельность (*praxis*), а не продуктивная (*poiesis*); значит, и раб служит тому, что относится к области деятельности активной. «Собственность» нужно понимать в том же смысле, что и «часть». Часть же есть не только часть чего-либо другого, но она вообще немислима без этого другого. Это вполне приложимо и к собственности. Поэтому господин есть только господин раба, но не принадлежит ему; раб же не только раб господина, но и всецело принадлежит ему.

7. Из вышеизложенного ясно, что такое раб по своей природе и по своему назначению: кто по природе принадлежит не самому себе, а другому и при этом все-таки человек, тот по своей природе раб. Человек же принадлежит другому в том случае, если он, оставаясь человеком, становится собственностью; последняя представляет собой орудие активное и отдельно существующее.

После этого нужно рассмотреть, может ли или не может существовать по природе такой человек, т. е. раб, и лучше ли и справедливо ли быть кому-либо рабом или нет, но всякое рабство противно природе.

8. Нетрудно ответить на эти вопросы и путем теоретических рассуждений, и на основании фактических данных. Ведь властвование и подчинение не только необходимы, но и полезны, и прямо от рождения некоторые существа различаются в том отношении, что одни из них как бы предназначены к подчинению, другие – к властвованию. Существует много разновидностей властвующих и подчиненных, однако, чем выше стоят подчиненные, тем более совершенна сама власть над ними; так, например, власть над человеком более совершенна, чем власть над животным. Ведь, чем выше стоит мастер, тем совершеннее исполняемая им работа; но, где одна сторона властвует, а другая подчиняется, там только и может идти речь о какой-либо их работе.

9. И во всем, что, будучи составлено из нескольких частей, непрерывно связанных одна с другой или разъединенных, составляет единое целое, сказывается властвующее начало и начало подчиненное. Это общий закон природы, и, как таковому, ему подчинены одушевленные существа. Правда, и в предметах неодушевленных, например в музыкальной гармонии, можно подметить некий принцип властвования; но этот вопрос может, пожалуй, послужить предметом специального исследования.

10. Живое существо состоит, прежде всего, из души и тела; из них по своей природе одно – начало властвующее, другое – начало подчиненное. Разумеется, когда дело идет о природе предмета, последний должен рассматриваться в его природном, а не в извращенном состоянии. Поэтому надлежит обратиться к рассмотрению такого человека, физическое и психическое начала которого находятся в наилучшем состоянии; на этом примере станет ясным наше утверждение. У людей же испорченных или расположенных к испорченности в силу их нездорового и противного природе состояния зачастую может показаться, что тело властвует над душой.

11. Согласно нашему утверждению, во всяком живом существе прежде всего можно усмотреть власть господскую и политическую. Душа властвует над телом, как господин, а разум

над вашими стремлениями – как государственный муж. Отсюда ясно, сколь естественно и полезно для тела быть в подчинении у души, а для подверженной аффектам части души – быть в подчинении у разума и рассудочного элемента души и, наоборот, какой всегда получается вред при равном или обратном соотношении.

12. То же самое положение остается в силе и в отношении человека и остальных живых существ. Так, домашние животные по своей природе стоят выше, чем дикие, и для всех домашних животных предпочтительнее находиться в подчинении у человека: так они приобщаются к своему благу. Так же и мужчина по отношению к женщине: первый по своей природе выше, вторая – ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении. Тот же самый принцип неминуемо должен господствовать и во всем человечестве.

13. Все те, кто в такой сильной степени отличается от других людей, в какой душа отличается от тела, а человек от животного (это бывает со всеми, чья деятельность заключается в применении физических сил, и это наилучшее, что они могут дать), те люди по своей природе – рабы; для них, как и для вышеуказанных существ, лучший удел – быть в подчинении у такой власти. Ведь раб по природе – тот, кто может принадлежать другому (потому он и принадлежит другому) и кто причастен к рассудку в такой мере, что способен понимать его приказания, но сам рассудком не обладает. Что же касается остальных живых существ, то они не способны к пониманию приказаний рассудка, но повинуются движениям чувств.

14. Впрочем, польза, доставляемая домашними животными, мало чем отличается от пользы, доставляемой рабами: и те и другие своими физическими силами оказывают помощь в удовлетворении наших насущных потребностей.

Природа желает, чтобы и физическая организация свободных людей отличалась от физической организации рабов: у последних тело мощное, пригодное для выполнения необходимых физических трудов; свободные же люди держатся прямо и не способны к выполнению подобного рода работ, зато они пригодны для политической жизни, а эта последняя разделяется у них на деятельность в военное и мирное время. Впрочем, зачастую случается и наоборот: одни имеют только свойственные свободным тела, а другие – только души.

15. Ясно, во всяком случае, следующее: если бы люди отличались между собой только физической организацией в такой степени, в какой отличаются от них в этом отношении изображения богов, то все признали бы, что люди, уступающие в отношении физической организации, достойны быть рабами. Если это положение справедливо относительно физической природы людей, то еще более справедливо установить такое разграничение относительно их психической природы, разве что красоту души не так легко увидеть, как красоту тела. Очевидно, во всяком случае, что одни люди по природе свободны, другие – рабы, и этим последним быть рабами и полезно, и справедливо.

16. Нетрудно усмотреть, что правы в некотором отношении и те, кто утверждает противное. В самом деле, выражения «рабство» и «раб» употребляются в двояком смысле: бывает раб и рабство и по закону; закон является своего рода соглашением, в силу которого захваченное на войне называют собственностью овладевших им. Это право многие причисляют к противозакониям из тех, что иногда вносят ораторы: было бы ужасно, если бы обладающий большой физической силой человек только потому, что он способен к насилию, смотрел на захваченного путем насилия как на раба и подвластного себе. И одни держатся такого мнения, другие – иного, и притом даже среди мудрецов.

17. Причиной этого разногласия в мнениях (причем каждая сторона приводит в пользу защищаемого ею положения свои доводы) служит то, что и добродетель вполне может, раз ей даны на то средства, прибегать до известной степени к насилию; что всякого рода превосходство всегда заключает в себе преизбыток какого-либо блага, так что и насилию, кажется, присущ до известной степени элемент добродетели; следовательно, спорить можно только о спра-

ведливости. По мнению одних, со справедливостью связано благоволение к людям; по мнению других, справедливость заключается уже в том, чтобы властвовал человек более сильный.

18. При изолированном противопоставлении этих положений оказывается, что ни одно из них не обладает ни силой, ни убедительностью, будто лучшее в смысле добродетели не должно властвовать и господствовать. Некоторые, опираясь, как они думают, на некий принцип справедливости (ведь закон есть нечто справедливое), полагают, что рабство в результате войны справедливо, но в то же время и отрицают это. В самом деле, ведь самый принцип войны можно считать несправедливым, и никоим образом нельзя было бы утверждать, что человек, не заслуживающий быть рабом, все-таки должен стать таковым. Иначе окажется, что люди заведомо самого благородного происхождения могут стать рабами и потомками рабов только потому, что они, попав в плен, были проданы в рабство. Поэтому защитники последнего из указанных мнений не хотят называть их рабами, но называют так только варваров. Однако когда они это говорят, они ищут не что-нибудь другое, а лишь рабство по природе, о чем мы и сказали с самого начала; неизбежно приходится согласиться, что одни люди повсюду рабы, другие нигде таковыми не бывают.

19. Таким же точно образом они судят и о благородстве происхождения. Себя они считают благородными не только у себя, но и повсюду, варваров же – только на их родине, как будто в одном случае имеется благородство и свобода безусловные, в другом – безусловные. В таком духе говорит и Елена у Феодекта: «Меня, с обеих сторон происходящую от божественных предков, кто решился бы, назвать рабыней?».

Феодект – древнегреческий поэт, драматург, автор трагедии «Эант» об Аяксе Теламониде (Великом), герое, принимавшем участие в осаде Трои. В соответствии с легендой, Аякс был неуязвим, так как когда-то Геракл завернул его в свою львиную шкуру, но единственным уязвимым местом оставалась подмышка.

Говоря это, они различают человека рабского и свободного положения, людей благородного и неблагородного происхождения единственно по признаку добродетели и порочности; при этом предполагается, что как от человека рождается человек, а от животного – животное, так и от хороших родителей – хороший; природа же зачастую стремится к этому, но достигнуть этого не может.

20. Из сказанного, таким образом, ясно, что колебание во взглядах на природу рабства имеет некоторое основание: с одной стороны, одни не являются по природе рабами, а другие – свободными, а с другой стороны, у некоторых это различие существует, и для них полезно и справедливо одному быть в рабстве, другому – господствовать, и следует, чтобы один подчинялся, а другой властвовал и осуществлял вложенную в него природой власть, так чтобы быть господином. Но дурное применение власти не приносит пользы ни тому ни другому: ведь что полезно для части, то полезно и для целого, что полезно для тела, то полезно и для души, раб же является некоей частью господина, как бы одушевленной, хотя и отделенной, частью его тела.

21. Поэтому полезно рабу и господину взаимное дружеское отношение, раз их взаимоотношения покоятся на естественных началах; а у тех, у кого это не так, но отношения основываются на законе и насилии, происходит обратное.

Из предыдущего ясно и то, что власть господина и власть государственного мужа, равно как и все виды власти, не тождественны, как то утверждают некоторые. Одна – власть над свободными по природе, другая – власть над рабами. Власть господина в семье – монархия (ибо всякая семья управляется своим господином монархически), власть же государственного мужа – это власть над свободными и равными.

22. Господином называют не за знания, а за природные свойства; точно так же обстоит дело с рабом и свободным. Правда, можно вообразить и науку о власти господина, как и науку

о рабстве, последнюю – вроде той, какая существовала в Сиракузах, где некто обучал 25 людей рабству: за известное вознаграждение он преподавал молодым рабам знания, относящиеся к области обычного рода домашних услуг. Такое обучение могло бы простирается и на дальнейшие области, например можно было бы обучать кулинарному искусству и остальным подобного же рода статьям домашнего услужения. Работы ведь бывают разные – одни более высокого, другие более насущного характера, как говорит и пословица «Раб рабу, господин господину – рознь».

23. Все подобного рода науки – рабские, господская же наука – как пользоваться рабом, и быть господином вовсе не значит уметь приобретать рабов, но уметь пользоваться ими. В этой науке нет ничего ни великого, ни возвышенного: ведь то, что раб должен уметь исполнять, то господин должен уметь приказывать. Поэтому у тех, кто имеет возможность избежать таких хлопот, управляющий берет на себя эту обязанность, сами же они занимаются политикой или философией. Что же касается науки о приобретении рабов (в той мере, в какой оно справедливо), то она отличается от обеих вышеуказанных, являясь чем-то вроде науки о войне или науки об охоте. Вот наши соображения о рабе и господине.

<Об искусстве наживать состояние>

III

1. Теперь мы займемся рассмотрением того, что такое собственность вообще и в чем заключается искусство наживать состояние, руководясь принятым нами методом исследования, так как и раб есть некая часть собственности. Прежде всего может возникнуть вопрос: тождественно ли искусство наживать состояние с наукой о домохозяйстве, или это искусство есть часть данной науки, или оно стоит в служебном к ней отношении, и если так, то не находится ли искусство наживать состояние в таком же отношении к науке о домохозяйстве, в каком стоит умение сделать ткацкий челнок к ткацкому искусству или умение сделать сплав бронзы к искусству ваяния? Дело в том, что оба последних умения находятся не в одинаковом служебном отношении к связанным с ними искусствам, так как первое доставляет орудие, второе – материал (под материалом я разумею субстрат, посредством которого какая-либо работа может быть доведена до конца, например для ткача – шерсть, для ваятеля – бронза).

2. Ясно, что искусство наживать состояние не тождественно науке о домохозяйстве: в одном случае речь идет о приобретении средств, в другом – о пользовании ими; к чему, в самом деле, будет относиться умение пользоваться всем, что имеется в доме, как не к науке о домохозяйстве? Но вопрос о том, представляет ли искусство наживать состояние часть науки о домохозяйстве, или оно является особой, отличной от нее отраслью знания, вызывает затруднения, если считать, что тот человек, который владеет указанными искусствами, может исследовать, в чем заключается источник имущественного благосостояния и вообще собственности. Понятия «собственность» и «богатство» заключают в себе много разновидностей. Во-первых, земледелие – часть ли это науки о домохозяйстве или особая, отдельная от нее отрасль знания? Тот же вопрос можно задать и вообще относительно заботы о средствах пропитания и приобретении их.

3. Так как существует много родов пищи, то многообразен и образ жизни животных и людей; без пищи жить нельзя, почему разнообразные виды питания повлекли за собой и разнообразный образ жизни животных. Одни из животных живут стадно, другие разбросанно, смотря по тому, какой образ жизни оказывается более пригодным для добывания пищи, так как одни из животных плотоядные, другие травоядные, третьи всеядные. Природа определила образ жизни животных с таким расчетом, чтобы каждому из них можно было с большей легкостью добывать себе подходящую пищу; не одна и та же пища по природе приятна каждому животному, но одному подходит одна, другому – другая; поэтому образ жизни плотоядных животных отличается от образа жизни травоядных.

4. То же самое и среди людей. Образ их жизни бывает весьма различным. Наиболее ленивые из них ведут образ жизни кочевников, которые питаются, не прилагая ни труда, ни заботы, мясом домашних животных, так как кочевникам приходится в поисках пастбищ для своих стад постоянно перемещать место своего кочевья, то они поневоле и сами следуют за своими стадами; они как бы возделывают живую пашню. Другие люди живут охотой, разные – различными видами охоты; например, для одних охотой является грабеж, для других, обитающих у озер, болот, рек или морей, обильных рыбой, охотой служит рыбная ловля, третьи охотятся на птицу или диких зверей. Все же огромное большинство людей живет благодаря земледелию и культурным растениям.

5. Таков примерно образ жизни у тех, кто непосредственно трудится над тем, что дает природа, не прибегая для добывания средств к жизни к обмену и торговле, – кочевой быт, земледельческий, разбой, рыболовство, охота. Некоторые живут приятно, соединяя те или иные из этих видов и заимствуя у одного из них то, чего не хватает другому, чтобы быть самодовлеющим, например одни соединяют кочевнический и разбойничий образ жизни, другие – земле-

дельческий и охотничий, равным образом и остальные, Люди ведут такой образ жизни, какой их заставляет вести нужда.

6. По-видимому, сама природа дарует всем по достижении полного развития такую же собственность, какую она дает им сразу при их возникновении. Некоторые животные уже в то время, как они рожают детенышей, доставляют им такое количество пищи, какое бывает достаточным до той поры, пока детеныши не будут в состоянии добывать ее себе сами; таковы, например, те животные, которые выводят червей или кладут яйца. А все производящие живых детенышей животные до известного времени имеют пищу для рожденных в самих себе – именно вещество, называемое молоком.

7. Равным образом ясно, и из наблюдений тоже надо заключить, что и растения существуют ради живых существ, а животные – ради человека; домашние животные служат человеку как для потребностей домашнего обихода, так и для пищи, а из диких животных если не все, то большая часть – для пищи и для других надобностей, чтобы получать от них одежду и другие необходимые предметы. Если верно то, что природа ничего не создает в незаконченном виде и напрасно, то следует признать, что она создает все вышеупомянутое ради людей.

8. Поэтому и военное искусство можно рассматривать до известной степени как естественное средство для приобретения собственности, ведь искусство охоты есть часть военного искусства: охотиться должно как на диких животных, так и на тех людей, которые, будучи от природы предназначенными к подчинению, не желают подчиняться; такая война по природе своей справедлива.

Крайне интересный пассаж: оправдание рабства, признание его неизбежным и необходимым приводит к оправданию войны, как процессу неизбежному и необходимому, более того – требуемому самой природой.

Итак, один из видов искусства приобретения является по природе своей частью науки о домохозяйстве, и мы должны допустить, что либо он существует сам по себе, либо существование его обеспечивается теми, кто занят накоплением средств, необходимых для жизни и полезных для государственной и семейной общины.

9. Истинное богатство, по-видимому, и состоит в совокупности этих средств. Ведь мера обладания собственностью, которая является достаточной для хорошей жизни, не беспредельна; как говорит Солон в одном из своих стихотворений, «людям не указан никакой предел богатства».

Солон (примерно 640–559 гг. до н. э.) – афинский политик, создатель законов, поэт. Признан одним из «Семи мудрецов» Древней Греции, то есть, вошел в ряд особо почитаемых политиков, общественных деятелей и мыслителей VII–VI веков до н. э. До нашего времени дошло большое количество фрагментов его стихотворений, а также упоминания в трудах различных философов и историков о созданных им законах. Для Аристотеля законы Солона и его философская концепция являлись ценным источником информации.

Предел этот существует, как он существует и в остальных искусствах: всякое орудие во всяком искусстве не является беспредельным в отношении своего количества и величины; богатство же представляет собой совокупность орудий экономических и политических. Итак, из сказанного ясно, в каком отношении и по какой причине искусство приобретения относится по своей природе к сфере деятельности домохозяина и государственного мужа.

10. Существует другой род искусства приобретения, который обыкновенно называют, и с полным правом, искусством наживать состояние; с этим искусством и связано представление, будто богатство и нажива не имеют никакого предела. Многие полагают, что это искусство, вследствие его близкого соседства с искусством приобретения, тождественно с последним; на

самом деле оно не тождественно с названным, но не является и далеким от него: одно из них существует по природе, другое – не по природе, но больше за счет известной опытности и технического приспособления.

11. При рассмотрении этого искусства будем исходить из следующего положения. Пользование каждым объектом владения бывает двоякое; в обоих случаях пользуются объектом как таковым, но не одинаковым образом: в одном случае объектом пользуются по его назначению, в другом – не по назначению; например, обувью пользуются и для того, чтобы надевать ее на ноги, и для того, чтобы менять ее на что-либо другое. И в том и в другом случае обувь является объектом пользования: ведь и тот, кто обменивает обувь имеющему в ней надобность на деньги или на пищевые продукты, пользуется обувью как обувью, но не по назначению, так как оно не заключается в том, чтобы служить предметом обмена. Так же обстоит дело и с остальными объектами владения – все они могут быть предметом обмена. Первоначальное развитие меновой торговли было обусловлено естественными причинами, так как люди обладают необходимыми для жизни предметами – одними в большем, другими – в меньшем количестве.

12. Отсюда также ясно, что мелкая торговля не имеет по природе никакого отношения к искусству наживать состояние, потому что вначале обмен ограничивался исключительно предметами первой необходимости. В первой общине, т. е. в семье, не было явно никакой надобности в обмене; он сделался необходимым, когда общение стало обнимать уже большее количество членов. В самом деле, в первоначальной семье все было общим; разделившись, стали нуждаться во многом из того, что принадлежало другим, и неизбежно приходилось прибегать к взаимному обмену. Такой способ обмена еще и в настоящее время практикуется у многих варварских народов. Они обмениваются между собой только предметами необходимыми, и больше ничем; например, они обменивают вино на хлеб и наоборот и т. п.

13. Такого рода меновая торговля и не против природы, и вовсе не является разновидностью искусства наживать состояние, ведь ее назначение – восполнять то, чего недостает для согласной с природой самодовлеющей жизни. Однако из указанной меновой торговли вышло все-таки вполне логически и искусство наживать состояние. Когда стала больше требоваться чужая помощь для ввоза недостающего и вывоза излишков, неизбежно стала ощущаться потребность в монете, так как далеко не каждый предмет первой необходимости можно было легко перевозить.

14. Ввиду этого пришли к соглашению давать и получать при взаимном обмене нечто такое, что, представляя само по себе ценность, было бы вместе с тем вполне сподручно в житейском обиходе, например железо, серебро или нечто иное; сначала простым измерением и взвешиванием определяли ценность таких предметов, а в конце концов, чтобы освободиться от их измерения, стали отмечать их чеканом, служившим показателем их стоимости.

15. После того как в силу необходимости обмена возникли деньги, появился другой вид искусства наживать состояние, именно торговля. Сначала она, быть может, велась совершенно просто, но затем, по мере развития опытности, стала совершенствоваться в смысле источников и способов, какими торговые обороты могли бы принести наибольшую прибыль. Вот почему и создано представление, будто предметом искусства наживать состояние служат главным образом деньги и будто главной его задачей является исследование того источника, из которого возможно почерпнуть наибольшее их количество, ведь оно рассматривается как искусство, создающее богатство и деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.